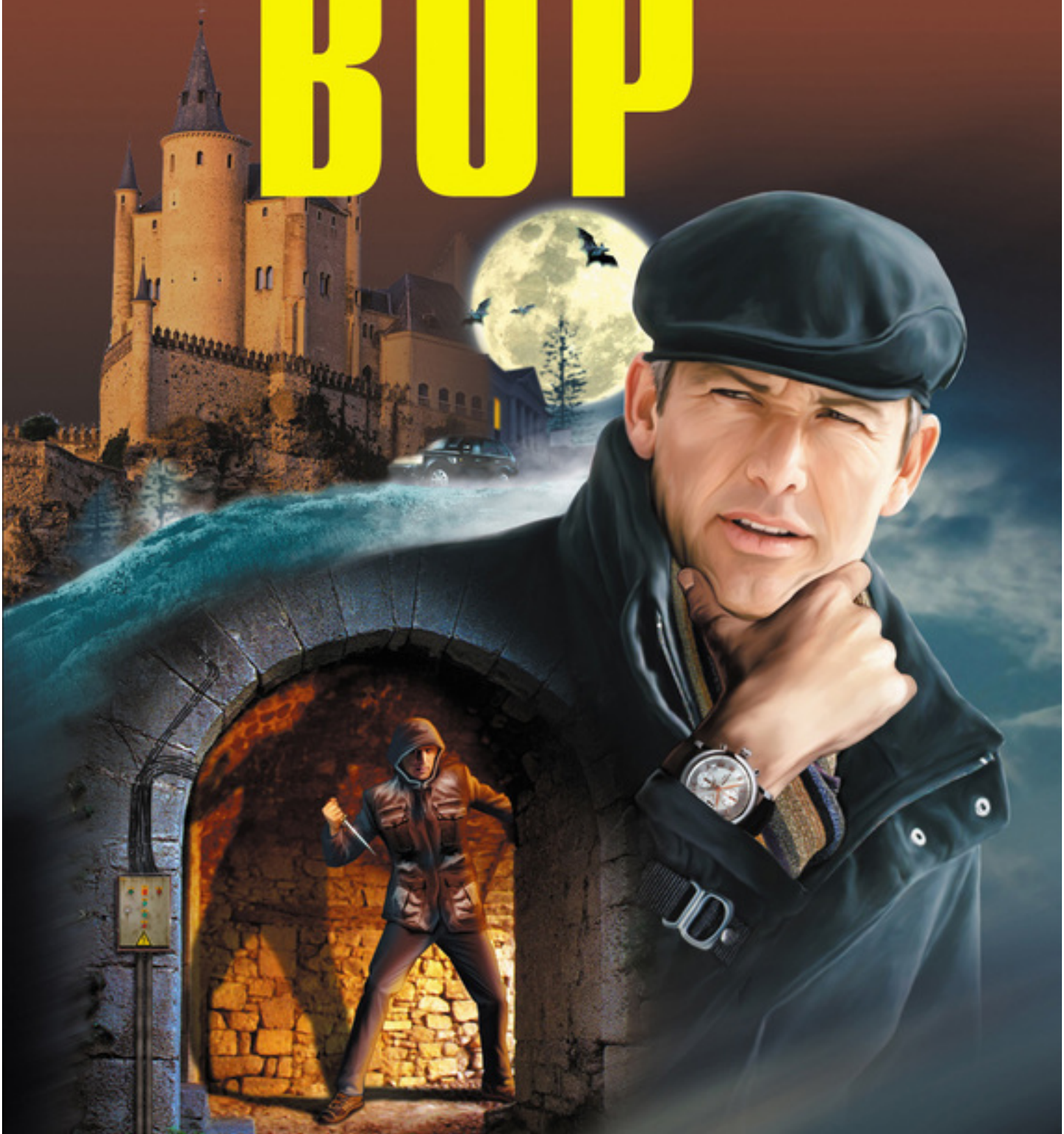
ВПЕРВЫЕ

АЛЕКСЕЙ

МАКЕЕВ

ЦЕРКОВНЫЙ ВОР



Алексей Макеев

Церковный вор

«Автор»
2014

Макеев А. В.

Церковный вор / А. В. Макеев — «Автор», 2014

ISBN 978-5-699-73171-8

Частный детектив Игорь Гладышев решил провести отпуск в испанском городке Сусанна Круз. Там он познакомился с группой российских туристов, и вместе они отправились на экскурсию в знаменитую местную пещеру. Как только туристы спустились в подземелье, прогремел чудовищный взрыв. Гид погиб, пещера частично обвалилась, и Игорю с товарищами пришлось искать другой выход. Обследуя пещеру, они наткнулись в одном из гротов на древний скелет. Костлявая рука сжимала свиток, в котором подробно описывалось место, где спрятан легендарный клад Христофора Колумба…

ISBN 978-5-699-73171-8

© Макеев А. В., 2014
© Автор, 2014

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 10
Глава 3 13
Глава 4 16
Глава 5 21
Глава 6 25
Глава 7 31
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Алексей Макеев
Церковный вор

© Закирджанов А., 2014
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Глава 1
Знакомство

И кто сказал, что пляжи на испанском побережье самые чистые во всей Европе?! Ах, да, кажется, строгая девушка в красно-синем костюме, трансферный гид компании «Ольга турс», что сопровождала в автобусе туристов, прилетевших в Каталонию[1], от Барселоны до поселка Сусанна Круз, расположенного на побережье Коста Брава. Соврала девица – не такое уж и чистое море. В нем плавали окурки, водоросли, пустые пачки от сигарет, целлофановые пакеты и прочий мусор.

И пляжи, песок на которых, по словам все той же девицы, якобы просеивают с помощью специальных машин, оставляли желать лучшего – повсюду бычки, огрызки яблок, косточки от экзотических фруктов. Сам же пляж усеян туристами, как лежбище морскими котиками, ступить некуда. Впрочем, не буду разочаровывать туристов и делать антирекламу испанским курортам, потому что, возможно, просто в первый день моего пребывания в Испании в море образовалось какое-то течение, и к берегу Коста Брава прибило весь плававший в Средиземном море мусор, так как на следующий его стало намного меньше, очевидно, поплыл к другому берегу, а пляж в Сусанне Круз грязный, скорее всего, оттого, что сломалась пескопросеивающая машинка. Но вот туристов на второй день нисколько не убавилось, наоборот, стало, кажется, еще больше ввиду очистившегося от всевозможных примесей моря и прибывшей очередной партии отдыхающих. Но это беда всех курортов, так что приходится мириться с перенасыщенностью людей в курортных городах и поселках.

И еще один момент, из-за чего мне не понравился пляжный отдых на Коста Брава – все пляжи там городские, а лежаки и зонтики от солнца – платные. Ладно, были бы они добротные, а то зонтики хлипкие, а лежаки убогие. Сдает их молодой негр (извините, нынче вроде толерантность, и негров называть неграми не принято), афроамериканец, за приличную цену. Многие наши соотечественники, прикинув, что выгоднее купить на несколько дней зонт, чем брать в аренду у афроамериканца, так и поступают – покупают в ближайшем магазине зонт и все дни носят его с собой на пляж. Когда же истекает срок тура, те, что пожаднее, везут его с собой домой, у тех, что душа шире, оставляют кому-нибудь из приобретенных на отдыхе знакомых, а некоторые, особо щедрые, бросают их на пляже, и афроамериканец, как я подозреваю, их потом собирает, чтобы сдать в аренду следующей партии туристов. Я же, как и большинство отдыхающих, обхожусь без зонта.

Но не буду больше об отрицательном, много в Испании и положительного, не единым пляжным отдыхом, как говорится, сыт турист. Есть, в конце концов, синее море, солнце, которого так не хватает мне в Москве, всевозможные экскурсии, ну и много красоток, которыми усеян пляж. Их на самом деле много – на любой вкус, выбирай, не хочу. Да вон, пожалуйста, неподалеку от меня лежит на полотенце с пальмами одинокая миниатюрная, худенькая золотоволосая особа лет тридцати пяти, моя ровесница, загорает и украдкой бросает в мою сторону оценивающие взгляды. Мне кажется, Бог ее создал и отправил сюда на море специально для того, чтобы я мог с нею развлечься в течение нескольких ближайших дней моего пребывания на курорте. Не красотку, правда, прислал, но, в общем-то, вполне интересную дамочку с остреньким носиком, округлым подбородком, пухленькими щечками и до того пронзительными синими глазами, что мне показалось, женщина носит линзы. И на том Господу спасибо.

---

[1] Каталония – историческая область и автономное сообщество в Испании. Каталонцы не считают свою область принадлежностью Испании и длительное время выступают за свою независимость, пока, правда, безуспешно. *(Здесь и далее примеч. автора.)*

Молодая женщина лежала ко мне головой, мне были видны ее худенькие плечи, маленькие крепкие ягодицы с полоской красного бикини между ними, худенькие ножки, с плохо развитыми, как у девочки-подростка, икрами, маленькие ступни. Я тоже стал бросать на свою соседку по пляжу заинтересованные взгляды. Вообще-то я не отъявленный бабник, но женщин люблю, причем довольно часто и многих, и ничуть этого не стыжусь, потому что мне романы можно заводить – я холостяк.

Когда наши глаза в очередной раз встретились и мы уличили друг друга в том, что каждый исподтишка наблюдает за соседом, то оба невольно усмехнулись.

– Жарко сегодня! – проговорил я и в подтверждение того, что это действительно так, вытер со лба пот.

– Уф, действительно! – охотно откликнулась на мое косвенное предложение завязать знакомство молодая женщина, села на полотенце, сложив по-турецки ноги, и стала поправлять стянутые резинкой в пучок растрепавшиеся золотые волосы. У нее были острые коленки, плоский живот, маленькая крепкая грудь, хрупкие руки. В общем, все как мне нравится, за исключением коленей, я люблю круглые, гладкие… Но да не всем же идеальными быть, сойдут и такие.

– А вы почему один? – как бы невзначай бросила она, стрельнув в меня цепким взглядом.

Понятно, интересуется моим статусом одинокого или занятого на курорте мужчины.

– Я обычно езжу в отпуск один, – признался я и тоже сел на своем пляжном полотенце, обхватив ноги руками. – Не люблю, когда в номере на соседней кровати лежит мужик и по ночам храпит. – Вы ведь тоже одна? – выжидающе уставился я на незнакомку.

– Одна, – почему-то вздохнув, призналась молодая женщина. – Подружка должна была поехать, да вот не сложилось…

– Жаль, – с притворным сочувствием проговорил я. – Это хорошо, что не сложилось… вернее, я хотел сказать, плохо. Вам теперь ужасно одиноко здесь.

Женщина, легко и изящно принявшая было позу «лотоса» – никак йогой занимается, – вдруг расслабилась и хохотнула:

– С чего это вы взяли?! Нет, мне как раз таки не одиноко. Наоборот, мужчины достали, хоть назад в Москву возвращайся. Правда, я только вчера приехала, так что придется выдержать натиск сильной половины человечества.

У меня вытянулось лицо, ибо я не знал, как воспринимать слова женщины о том, что мужики ее достали – как намек не приставать к ней или она цену себе набивает. Решил, что набивает цену, – не так уж много на курорте свободных мужиков, чтобы разбрасываться ими.

– Я тоже из Москвы, – сообщил я, оставляя без внимания замечание незнакомки насчет того, что у нее от мужиков отбоя нет.

– Здорово! – обрадовалась женщина. – Вы «по фортуне» сюда приехали?

Я понятия не имел, что значит «приехать по фортуне», поэтому честно спросил:

– Что значит, «по фортуне»?

– Это значит, можно купить тур подешевле, но какой отель из трех возможных тебе выпадет, станет известно только накануне отъезда, – пояснила женщина, прикрывая глаза. – Может попасться хороший отель, а может и плохой. Мне повезло, выпал лучший – «Индиана Парк». Вот уж действительно фортуна… А вы в каком?

Ну, вот, я же говорил, что Бог ее именно для меня создал и отправил в Испанию в тот же отель, в котором поселился я.

– В «Индиана Парке», – хмыкнул я.

Молодая женщина открыла глаза и недоверчиво посмотрела на меня:

– Скажите еще, что вы только вчера приехали и на две недели.

По уже описанной выше причине я ничуть не удивился тому факту, что мы с незнакомкой приехали в один и тот же день в Испанию и в один и тот же день уедем.

– Скажу, – произнес я со смехом. – Фортуна!

– Я поняла, вы не «по фортуне» приехали, – удивилась незнакомка.

– Нет, – подтвердил я, взял рубашку и накинул на плечи – припекало, как бы не сгореть. – За полную стоимость. Мне просто фортуна улыбнулась, и мы с вами познакомились.

Лесть была топорной, явно рассчитанной на то, чтобы проверить, клюет моя новая знакомая на таких мужиков, как я, или нет. Но дамочка, очевидно, решила, что наживка заброшена рано, еще даже имен друг друга не узнали, а потому пропустила мои слова мимо ушей.

– Смотрите, сколько у нас общего: мы с вами из одного города, скорее всего, ровесники, – продолжила она тему совпадений и стала загибать пальчики, – в один день в один и тот же отель приехали и вместе уедем. Может быть, у нас с вами и профессии одинаковые?

– Вы тоже тренер по вольной борьбе в Детской юношеской спортивной школе?! – воскликнул я, сделав вид, будто страшно потрясен тем, что мы с ней занимаемся одним и тем же делом – тренируем на ковре пацанов, обучая их приемам и правилам борьбы.

Дамочку ужасно рассмешила моя выходка, в ее удивительно синих глазах заплясали озорные огоньки.

– Нет, я пока до занятий борьбой не дошла, только йогой! А работаю экономистом на одной московской строительной фирме.

– Да уж, борец сумо из вас никудышный, – согласился я, окидывая критическим взглядом худосочную фигурку молодой женщины, которую невозможно представить на ковре в качестве борца, а если и можно, то только возлежащую на персидском ковре, одетую в пеньюар и пьющую кофе со сладостями… Эк куда меня занесло, осади-ка, тренер, рановато о персидском ковре мечтать, мы еще не познакомились. – Разрешите представиться, Игорь Гладышев, – назвался я, по-гусарски прижав подбородок к груди.

– Александра Смольникова, – ответила моя новая знакомая и плавно приподняла и опустила руки.

Какие галантные мы люди, словно в позапрошлом веке живем, а может быть, страна Дон Кихота, в которой мы находимся, обязывает мужчин быть рыцарями, а женщин истинными Дамами… Хотя нет, скорее всего, просто конфетно-букетный период начинается…

– У вас чисто мужская специальность – тренер, – окинула мою фигуру оценивающим взглядом Александра. – По вашей накачанной фигуре сразу видно, что вы спортсмен. – Ладно, пойду, искупаюсь, – неожиданно проговорила она, поднялась, отряхнула руки от песка и, не оборачиваясь, пошла, огибая лежащих на пляже людей, к морю.

Если эта Смольникова думает, что уже заарканила меня, и не оборачивается только потому, что уверена, я бегу за ней на задних лапках, то она ошибается. Я не из тех, кто поддается дрессировке. Скорее, наоборот, сам привык выступать в роли дрессировщика и без приглашения никуда и ни с кем не иду, так что я остался на месте.

Пока Смольникова купалась, я издали наблюдал за нею, потом стал рассматривать отели, выстроенные на первой линии побережья. Красиво, ничего не скажешь, – все здания большие, многоэтажные, ультрасовременные, Европа, одним словом.

Саша пришла через пятнадцать минут, вся в капельках морской воды, блестевших на солнце, будто чешуя русалки. В синих глазах разочарование, видимо, оттого, что я не отправился следом за нею в качестве пажа, несущего шлейф королевы. Она плюхнулась на полотенце, старательно делая вид, будто не замечает меня. Ладно, будем считать, любовная игра между нами началась.

– Действительно, пора искупаться, – произнес я, поднимаясь с полотенца, и двинулся по тому же маршруту, что некоторое время назад проделала к морю моя новая знакомая.

Вода была превосходной, как парное молочко, правда, набегали небольшие волны, но бороться с ними – одно удовольствие. Я даже не заметил, как меня снесло на приличное расстояние от того места, где я расположился, поэтому появился я совсем не с той стороны, откуда

меня ждала Саша. Впрочем, она меня и не ждала. Пока я ходил купаться, между нашими местами разлегся на полотенце в виде американского флага мужик, с которым Смольникова весело щебетала.

Да, поиграл в любовную игру, называется…

Мужику было лет за сорок, кучерявый, крепкий, с приличным брюшком, мясистой круглой физиономией с красноватой пористой кожей, темными недобрыми глазами, полными губами, густыми бровями и большим носом. Противный хмырь, он мне сразу не понравился. Хотя мне-то что? Не детей же крестить. А если Смольниковой такие нравятся, то это ее дело.

– Познакомьтесь, Николай Сильверстов, – увидев меня, излишне оживленно заворковала Саша, будто представляла папе своего горячо любимого бойфренда. – А это Игорь Гладышев.

– Очень приятно, – соврал я, проводя ладонями по плечам и стряхивая с них капельки воды, затем поднял полотенце и стал его складывать.

– Уходите? – спросил без всякого интереса Николай.

Я его понял, он просто из вежливости спросил, на самом деле ему абсолютно безразлично, уйду я или останусь, хотя нет, наверное, он страстно желал, чтобы я ушел. Что ж, навязываться не буду – третий лишний.

– Да, обедать пора, – ответил я, забирая сумку, в которой лежала моя сложенная одежда.

Александра промолчала, и я, перешагнув через Николая, двинулся к отелю.

Ладно, Игорек, не расстраивайся, видимо, ошибся ты, и Бог не эту женщину тебе отправил в Испанию. Но ничего, в конце концов, на этой златовласке свет клином не сошелся, вон сколько особ женского пола и красивее, и моложе Саши на пляже лежат, причем многие из них уже верхнюю часть бикини поснимали, топлес загорают.

Глава 2
Предложение

Я протопал между двумя отелями, перешел дорогу, миновал перекидной мостик через железную дорогу, по которой ездили электрички, и приблизился к «Индиана Парку». Крутой все же отель мне попался – красивый, современный, комфортабельный. Десятиэтажное здание стояло на второй линии и было развернуто фасадом в сторону моря. С двух сторон по нему ползли два прозрачных лифта, напоминавших гигантских божьих коровок с золотистой окантовкой. От здания уступами – каждая последующая ступень на этаж ниже предыдущей – шли два крыла, образовывая букву «П», внутри которой находились бассейн, место для отдыха, где стояли лежаки, на площадке располагались столики и сцена, а внутри отеля работали платный бар и ресторан.

Я поднялся на третий этаж, прошел до середины отделанного под дерево коридора и, открыв дверь с номером 320, ступил в свои апартаменты. В комнате стояли две кровати – одна двуспальная, другая односпальная, стол, телевизор, встроенный шкаф-купе, встроенный же кондиционер – в общем, обычный номер для рядовых туристов. Разумеется, еще имелись балкон и санузел, стенка которого была из матового стекла. Необычно как-то. Включаешь в санузле свет, и вся стена в комнате светится.

Я принял душ, полежал немного на кровати, затем отправился в ресторан. Он находился в другом крыле здания в цокольном этаже.

– Добрий день! – приветствовала меня молоденькая итальянка с ослепительной улыбкой на симпатичном лице. – Проходите, пожалюйста!

– Спасибо! – Я приложил карточку к специальному устройству, списывающему с меня обед за сегодняшний день, и вошел в сверкающий напольной плиткой, зеркалами и чистотой ресторан.

Кормят в «Индиана Парке» вкусно и на убой – не то что в Турции или в Египте, где блюда готовят из дешевых продуктов. Не могу сказать, что и здесь из высококачественных, но из хороших продуктов – точно. О том, что в ассортименте всегда сырокопченые колбасы, вяленое мясо хамон, я уж не говорю. Из горячих блюд каждый день что-нибудь новенькое, а так – мясо, рыба, морепродукты. Из фруктов тоже изобилие: яблоки, персики, клубника, арбузы, дыни, манго, ананасы – всего и не перечислишь, но, поверьте, выбор богатый. Еда мне нравилась, в особенности паэлья, приготовленная из риса, креветок, мидий – в общем, из всего того, что в сети рыбака со дна моря попало. Плов, что готовят в Москве узбеки-гастарбайтеры, ни в какое сравнение с местной паэльей не идет.

Я жадничать не стал, взял ровно столько, сколько мог съесть, плюс кофе и мороженое. Выпивка меня не интересует, я пью очень редко и мало, не люблю это дело, к тому же спортом занимаюсь. Народу было не так много, расположился я в центре зала у зеркальной колонны, и только принялся за жаркое, как в ресторан вошла Саша в сопровождении Николая Сильвестрова. На молодой женщине был летний костюмчик, состоящий из красных шортиков, пиджачка и маечки, на Сильвестрове – большущие мятые камуфляжные шорты ниже колен и зеленая футболка, выбившаяся из шорт. Да, видимо, Николай особой аккуратностью не отличается. Маленькая, тоненькая, хрупкая Саша рядом с пузатым крупным Николаем казалась совсем девочкой и могла бы сойти за его дочь.

Я уткнулся в тарелку, делая вид, будто не замечаю свою новую знакомую и ее сопровождающего. Хотя, наверное, зря старался – они на меня не обращали никакого внимания. Набрав еду, устроились неподалеку за столиком, за которым сидел коротко стриженный темноволосый молодой мужчина лет тридцати двух с довольно-таки мужественным лицом, чем-то смахива-

ющий на известного артиста Киану Ривза. Те же полноватые губы, острый подбородок, острый нос с широковатыми крыльями, высокий лоб, суровый взгляд карих глаз из-под бровей вразлет. Одет он был в зауженную красно-черную клетчатую рубашку с коротким рукавом, выгодно подчеркивающую широкие плечи, хорошо развитые мышцы рук и груди. Рядом с ним на столе возвышалась гора разнообразной снеди – аппетит у парня был завидным.

Я очень быстро ем, а потому расправился с обедом намного раньше, чем Саша и Николай. Отодвинув пустую вазочку с мороженым, встал, затем скользнул за колонну и, обойдя парочку кружным путем, чтобы лишний раз не попадаться ей на глаза, вышел из ресторана.

Послеобеденное самое жаркое время, называемое в Испании сиестой, и в Каталонии, разумеется, тоже, я проспал в своем номере. В четыре часа вышел из отеля, собираясь отправиться на пляж. Хотя солнце не жгло уже так сильно, как до обеда, однако бриз на море коварный, вроде ветерок дует, но кожу спалить можно запросто. Так что купить пляжный зонт все же придется. Зонт в соседнем с «Индиана Парке» магазине я выбрал, на мой взгляд, мужской расцветки – в черно-белую елочку, и, как мне показалось, не новый. «Уж не пользовался ли им кто-либо, перед тем как он в магазине оказался?» – закралось мне в голову подозрение. Впрочем, возможно, просто выгорел на солнце. Но, как бы то ни было, он меня устраивал – был большим и на вид крепче остальных.

С новым зонтом я и отправился к морю. Народу здесь прибавилось, очевидно, пришли позагорать все те, кто ездил на весь день на экскурсию. Я расстелил полотенце и воткнул в песок зонт там, где было посвободнее, неподалеку от расположившейся на циновке женщины лет за сорок на вид, с торчащими, а потом ниспадающими – как у цветка хлорофитума – пегими волосами, хорошо сохранившейся стройной фигурой и уже начинающей увядать кожей. Когда я разместился поблизости и женщина взглянула на меня, мне показалось, что на ее удлиненном, в общем-то, не страшном лице с вытянутым книзу носом, тонкими губами и худыми скулами отразилось удивление, но потом я понял, что выражение удивления навеки застыло на ее физиономии из-за того, что у нее были круглые глаза, увеличенные стеклами оптических очков, и приподнятые брови.

Едва я, окунувшись в море, вернулся к своему месту и лег на полотенце, прикрыв глаза, как раздался хорошо знакомый мне голос:

– Привет! Загораете?

Я открыл глаза и приподнялся. Рядом, с сумкой через плечо, в тех же красных шортиках и маечке, но без пиджачка, стояла Александра Смольникова. Что-то не пойму я Господа – мне ли он эту женщину послал или нет? Я сел, подложил одну ногу под себя и, прищурив один глаз, – солнце светило прямо в лицо, – произнес:

– И не только загораю, но еще и купаюсь. За тем сюда и приехал.

– Действительно, что еще можно делать на пляже? – проговорила Александра и кивнула повернувшейся к нам женщине с торчавшими в разные стороны пегими волосами: – Здравствуй, Маша!

Оказавшаяся знакомой Смольниковой женщина с удивленным лицом в ответ взмахнула рукой.

– Здравствуй, Саша!

– Вы не будете против, если я рядом с вами устроюсь? – Не дожидаясь приглашения, Саша полезла в сумку за пляжным полотенцем. Достав его, размашистыми движениями расстелила на песке рядом со мной и с размаху села. – Вы, Игорь, собираетесь куда-нибудь на экскурсии ездить или вас только пляжный отдых интересует? – спросила она, изящным движением выскальзывая из красной облегающей маечки.

– Ну, почему же? – сказал я, незаметно оглядываясь, – что-то неряшливого ухажера с брюшком поблизости не видать. – Поеду я на экскурсии, как надоест на пляже валяться.

– Вот как здорово! – тотчас подхватила Смольникова. – А не хотите пойти сегодня с нами на экскурсию в пещеру?

– В какую еще пещеру? Али-Бабы? – удивленно спросил я.

– Нет, пещера называется Аделита! – хохотнула Саша. – Она сейчас временно закрыта для посещения туристами, но один мужичок за небольшую плату готов нам ее показать.

– И что же там интересного?

– Как что? – воскликнула моя собеседница. – Это же местная, известная на весь мир достопримечательность! Туда многие желают попасть. Между прочим, мужчина этот, – заговорила она увлеченно, – пиротехник. Здесь многие в Испании на этом деле помешаны. А сегодня на Коста Брава состоится открытие фестиваля фейерверков. На этом фестивале-конкурсе праздничных фейерверков борются лучшие пиротехнические коллективы мира. Такого состязания вы еще не видели. Так вот этот пиротехник тоже участвует в состязаниях. Он отведет нас в пещеру, а потом на фестиваль, где продемонстрирует свою продукцию. Игорь, это же так интересно!

– Даже и не знаю, неожиданное какое-то предложение, – неуверенно произнес я. – А кто пойдет?

– Ну-у, Коля, – с воодушевлением проговорила молодая женщина и загнула один пальчик.

«Кто бы сомневался», – подумал я, хмыкнув про себя.

– Потом Егор, – продолжала Смольникова загибать тоненькие пальчики, – я, Маша, – указала она на женщину с похожими на листья хлорофитума волосами, – еще во-он тот мужчина, Михаил, – кивнула она в сторону загоравшей толпы и пояснила: – Ну, вон тот мужчина, что книжку читает.

Я присмотрелся и увидел сутулого худого мужчину лет сорока трех – сорока четырех, с большими ушами, длинным острым подбородком, похожим на клюв птицы носом, узковатыми глазами, прятавшимися за очками с толстыми линзами, низким лбом и сальными волосами. Он мне показался каким-то сморщенным, неуверенным в себе, тихоней, в общем.

– Если пойдете, то и вы! – Саша взглянула на меня. – Ну, и еще несколько человек, которых набрал этот экскурсовод.

– Вы что, всех отдыхающих на пляже знаете? – удивился я умению Смольниковой находить себе в незнакомом месте стольких друзей.

– Да нет, просто мы вместе вчера одним рейсом из Москвы прилетели, в одном автобусе ехали, вот и познакомились. Ну, так что, идете с нами?

«А почему бы и нет? – подумал я. – Пусть у Саши ухажер есть, не буду же я оставшиеся в Каталонии дни бирюком жить. Надо знакомства заводить, а здесь сами люди в компанию зазывают. Почему бы не пойти, не пообщаться, не посмотреть пещеру да не полюбоваться на фейерверки? Все лучше, чем в номере лежать».

– Хорошо, пойду, – согласился я.

– Отлично! – захлопала в ладоши Саша.

И чего она так радуется? Может быть, мужик этот, спелеолог-пиротехник, деньги ей отстегивает за то, что она людей для экскурсий вербует?

– Тогда пойдем, Игорь, искупаемся, обсохнем, перекусим и отправимся на встречу с гидом, – поднялась с полотенца Саша.

Глава 3
Сбор

Встречу группы туристов назначили на шесть часов вечера. Пиротехник-спелеолог был нелегалом, поэтому сбор он назначил не в фойе отеля, где обычно тусовались официальные представители турагентств и гиды, а на улице у гипермаркета. Без пяти шесть я вышел из отеля и отправился в противоположную морю сторону. На мне была спортивная обувь, летние коричневого цвета штаны с множеством карманов и черная футболка – как раз то, что нужно для туристического похода. Я пересек автостоянку, пустырь и стал приближаться к гипермаркету.

Еще издали заметил кучку людей, лица которых были мне уже знакомы. Само собой, первой бросилась в глаза интересующая меня особа Александра Смольникова. Она была в центре внимания, в каковом, очевидно, привыкла находиться, и что-то говорила, размахивая руками. Рядом с ней стояли пузатый Николай Сильвестров, доходяга-ботаник Михаил, пегая Мария с постоянно удивленным лицом и тот самый, похожий на артиста Киану Ривза, парень, рядом с которым за одним столом в ресторане во время обеда сидели Саша и Николай. Очевидно, он и был Егором, чье имя называла Смольникова среди экскурсантов в пещеру, когда зазывала меня на пляже в турпоход. Все так же, как и я, одеты по-походному, и это правильно, ибо мы собирались лезть в пещеру.

Завидев меня, Смольникова, выражая радость, замахала рукой, я махнул в ответ и, приблизившись к ним, поздоровался и представился.

– Добрый день! Я – Игорь Гладышев.

Назвали себя и присутствующие. Фамилии Саши и Николая я уже знал, фамилия же доходяги Михаила была Березин, Егора – Тепляков, Марии – Тропинина.

– Это все? – поинтересовался я, когда официальное знакомство состоялось.

– Откуда же мы знаем? Гид нам не докладывал, – не очень-то приветливо отозвался Сильвестров, шлепнув мясистыми губами.

«Глупо как-то выставил меня этот Николай», – подумал я, но обидеться не успел, так как на помощь мне пришла Саша, которой, очевидно, стало неловко за своего приятеля.

– Я слышала от гида, что с нами должны пойти еще два человека, – защебетала она. – Молодые люди какие-то.

– Время уже шесть часов, а гида все нет, – проворчал имевший плохое зрение Михаил и, оглядываясь в поисках экскурсовода, сморщил лицо, словно так ему было лучше видно.

– Что-то мне вообще, ребята, не нравится эта левая экскурсия, – вступила в разговор пегая особа, и ее и без того длинное лицо, выражая недовольство, вытянулось еще больше. – Вход в пещеру закрыт, мы без разрешения туда полезем, ох, влипнем с этим спелеологом в какую-нибудь историю.

– Да ладно вам! – всплеснула руками Смольникова. – Все будет в порядке. Это же одна из самых знаменитых пещер мира. Побывать в Испании и не увидеть пещеру Аделита непростительно. Тем более представляется такая возможность посетить, хоть и нелегально, закрытую для туристов территорию.

Егор Тепляков, стоявший со сложенными на груди руками и со снисходительной улыбкой слушавший разговор, с осуждением покачал головой:

– Да чего вы переживаете? Прогуляемся, посмотрим окрестности, слазаем в пещеру, потом на фейерверки посмотрим, где-нибудь в кафе посидим. Чего в гостинице торчать-то?

– Вот именно, – подхватила Саша и вдруг воскликнула: – Да вон и гид наш идет, так что уже поздно отказываться от экскурсии, договорились же пойти всем вместе!

Все посмотрели в ту сторону, в которую указала Смольникова.

Из-за угла громадного гипермаркета вывернул с рюкзаком за плечами и направился к нам среднего роста плотный мужчина в белых кроссовках, в синих шортах, белой майке и белой бейсболке. У него было румяное округлое лицо, и все черты в нем были округлые: глаза, брови, подбородок, нос, рот, окологубные морщины. Лет ему наверняка было больше пятидесяти, но можно было дать меньше, потому что упитанные люди кажутся моложе, так как менее заметны признаки старения – морщины, дряблость кожи. Мужчина приблизился к нам, однако прошел мимо, сделав вид, будто понятия не имеет, что за люди толпятся на тротуаре, но потом вдруг опомнился, сделал шаг назад и, развернувшись в нашу сторону, спросил:

– Молодые люди, а вы случайно не экскурсовода в пещеру ждете? – Мужчина таким образом пошутил, но получилось как-то наигранно, глуповато и по-детски.

Все молчали, не зная, что сказать, и только вездесущая Саша заулыбалась:

– Вас, вас! Нашей компании как раз вожак требуется.

Все, что сейчас происходило, смахивало на дешевый спектакль. Я перехватил взгляд Егора, который, видимо, тоже не любил плохих водевилей, и мы с ним, поняв друг друга, усмехнулись.

– Ну, давайте знакомиться, – предложил румяный мужчина. – Меня зовут Константин Коронель. Сегодня я буду вашим гидом. Мы с вами посетим одну из самых замечательных пещер не только нашей страны, но и мира, Аделиту, которая закрыта для обычных туристов, но вам посчастливится попасть в ее недра, необычайно красивые первобытной красотой, а затем я покажу вам великолепный праздник фейерверков, где будет царить невероятная обстановка, сказочная, красочная и прекрасная.

Надо сказать, что Константин Коронель говорил правильным, даже изысканным языком и хорошо поставленным голосом, ему бы романы писать, а не подпольным гидом работать. Но у каждого в жизни своя стезя.

– Извините, Константин! – бойко проговорила женщина с пегими волосами, похожими на листья хлорофитума. – А нас не оштрафуют за незаконное проникновение в пещеру, или того хуже, не заберут в полицейский участок? Здесь, в Европе, законы строгие.

– Ну кто же может забрать такую очаровательную женщину? – слащавым тоном проговорил Коронель. – В Испании любят красивых женщин, потому что всех красоток извели еще во времена инквизиции, считая их ведьмами. Это во-первых. Во-вторых, я живу здесь, места мне хорошо знакомы, проведу вас к пещере малохоженными тропами, никто и не заметит. А в-третьих, если кто-то и заметит, то не волнуйтесь – у меня с полицией и властями прекрасные отношения, я – личность публичная, знаменитая.

– Так вы испанец? – с недоверчивой ухмылкой спросил пузатый хамоватый Николай Сильвестров и дернул плечами, словно за ними был рюкзак, мешавший ему.

– Ну, конечно, я чистокровный испанец, – растянул рот в улыбке гид, отчего его щеки стали еще толще. – Разве не похож?

– Вообще-то видно, что не славянин, – согласился доходяга Михаил Березин.

Я пригляделся, и действительно, было в чертах лица Константина нечто объединяющее его с народами, проживающими в этой стране, плюс смуглость кожи, темные волосы, хотя большая часть из них была уже седой. Опять же фамилия Коронель, явно испанского происхождения.

Молчавшая уже две минуты Саша, что было испытанием для ее общительной деятельной натуры, не выдержала и спросила:

– Если вы местный, откуда вы так хорошо знаете русский язык?

– О-о, это долгая история, – добродушно рассмеялся Константин Коронель. – Я вам как-нибудь ее лично расскажу. – Экскурсовод был явно охоч до особ женского пола – говорил он с Сашей двусмысленным тоном, каким говорят старые ловеласы с молодыми женщинами. – А если коротко, то я родился в Советском Союзе, ходил в русскую школу и даже был пионе-

ром. – Коронель шутливо отдал салют и, подражая ребенку со звонким голосом, проговорил: – Пионер, будь готов к победе коммунизма! – И сам себе ответил: – Всегда готов!

– Ура! – с хмурым видом произнес Николай Сильвестров и сверкнул своими томными недобрыми глазами.

– А не пора ли нам идти в пещеру? Чего время тянем? – произнес Егор Тепляков.

Коронель повернулся к нему с лукавым видом и проговорил:

– Пора, молодой человек, пора! Но сначала позолотите ручку! – И, подкрепляя свои слова жестом, он протянул ладонь, давая понять, что от нас требуется.

– Вы же говорили, что с нами еще люди пойдут, – напомнила Александра Смольникова и полезла в сумочку за деньгами.

Остальные тоже зашевелились, начали доставать евро, отсчитывать ранее названную Сашей сумму за экскурсию и класть деньги в ладонь Константина, который тут же прятал их в карман.

Взяв очередные купюры, он ответил:

– С нами пойдут еще две девушки, они чуточку задерживаются, вот-вот должны появиться. – А вот и они!

Я посмотрел в ту сторону, куда был направлен взгляд Коронеля, и увидел двух спешащих к нам девушек.

– Быстрее, дамы, быстрее! – поторопил их экскурсовод и наглядно показал девицам, что от них требуется, – согнул руки в локтях и потоптался на месте, имитируя бег.

Длинноволосые девушки были жгучими брюнетками. Судя по тому, как они походили друг на друга, это, скорее всего, сестры с разницей в возрасте примерно в пять лет. Одна девица, та, что помладше, была в светлых облегающих джинсах и асимметричной голубой блузке, старшая тоже в облегающих бриджах, но зеленого цвета и коричневой, с абстрактным белым рисунком блузке.

После того как девушки подошли к нам, сдали деньги экскурсоводу и представились, они были приняты в нашу компанию. Это действительно оказались сестры по фамилии Аксеновы, младшую звали Валерией, старшую – Евгенией.

– Ну, что?! – играя глазами и потирая руки, проговорил Константин Коронель, все еще не выходя из образа театрального шута. – Начнем нашу экскурсию?

Все одобрительно загудели, пора, мол, уже давно, и Коронель объявил:

– Сейчас мы пройдем с вами на параллельную набережной улицу, сядем на такой маленький детский парово-озик и на нем поедем, ту-ту, в горы! – Он показал, каких именно размеров транспортное средство и указал, на какую именно гору мы поднимемся, говоря с нами так, будто мы дети или дебилы. – Потом мы с вами прогуляемся по склону горы, дойдем до пещеры и осмотрим ее. Затем вернемся в селение, где нас будет ждать микроавтобус, который я заказал специально для вас, и проедем в соседний городок на праздник фейерверков, где я вам, если хотите, разрешу запустить фейерверки. А чтобы заинтересовать вас, могу показать кое-что из пиротехнической продукции моей маленькой фирмы. Кое-какие образцы у меня здесь с собой. – Коронель подпрыгнул, демонстрируя рюкзачок за плечами, в котором у него, очевидно, и было кое-что из образцов продукции. – Ну, что, пойдем? – обвел он нас радостным взглядом.

– Пошли, – нестройно отозвался хор туристов нашей нелегальной группы, и мы двинулись в сторону моря.

Глава 4
Пещера Аделита

Наш только что организовавшийся небольшой коллектив вернулся к «Индиана Парку» и приобрел билеты на экскурсионный паровозик в расположенное на горе село Сусанна Круз. Он подошел буквально через несколько минут, и наша компания с еще несколькими пассажирами, купившими билеты, расселась в первом вагоне. Впереди сел Коронель, за ним на второе сиденье – доходяга Михаил Березин с пегой Марией Тропининой, на третьем разместился я с младшей Аксеновой, Валерией. Оказались мы вместе не потому, что я к ней подсел или она ко мне, просто выбора у нас иного не было: я собрался сесть с Сашей Смольниковой, но место рядом с нею позади нас занял пузатый Николай Сильвестров, а Валерия наверняка хотела бы устроиться на одном сиденье со своей сестрой, да к ней пристроился Егор Тепляков.

В таком порядке наша компания и двинулась в паровозике, ведомом крепким, средних лет испанцем в белой рубашке и темных брюках. Кто ехал в других вагонах сзади, меня особо не интересовало. Мы проехали по променаду мимо отелей, затем свернули направо и потащились в гору. Я решил развлечь себя разговорами с Валерией. Немногим ранее я услышал, как девушка перекинулась несколькими фразами на местном языке с Коронелем, и мне было любопытно, откуда она знает испанский язык.

– Ты в школе изучаешь испанский язык? – спросил я, обращаясь к темноволосой соседке.

Вяло пережевывая жвачку идеально ровными зубками, она хмыкнула:

– Ага, причем на всех уроках. Только не испанский язык, а каталонский, они отличаются друг от друга, как русский от украинского.

– То есть? – не понял я.

– Я учусь в каталонской школе, – пояснила Валерия, глядя на ставшую вдруг резко подниматься вверх улицу.

– Ты хочешь сказать, что учишься в России в школе, где все уроки проходят на каталонском языке? – уточнил я.

Девушка покачала головой и лениво ответила:

– Да нет же, я учусь здесь, в Каталонии… в Террасе. Это по другую сторону от Барселоны.

– С родителями живешь? – не отставал я.

– Да, с папой, мамой и сестрой, – ответила Валерия.

– Но вы же русские!

Девушка стала медленно поворачивать голову то в одну сторону, то в другую – начались дома, довольно-таки нарядные, невысокие, с заборами то из живой изгороди, то из природного камня, то из кованых чугунных решеток, было чем полюбоваться.

– Русские мы, – подтвердила Валерия неспешным тоном. Она вообще была какая-то заторможенная. – Из Волгограда. Восемь лет назад родители решили переехать в Испанию, в провинцию Каталония, вот теперь с сестрой здесь и живем. Я учусь в школе, а сестра – в университете, в туристическом бизнесе хочет работать.

Я только сейчас обратил внимание, что девушка разговаривает с каким-то странным акцентом и иной раз даже подбирает слова, очевидно, русский язык для нее стал уже не родным.

– И как? Нравится жизнь здесь?

– Ну-у… я иной и не представляю, – пожала плечами девица. – Маленькая была, когда сюда переехали… Родители говорят, лучше, чем в Волгограде-то. Здесь у нас отличная квартира… бизнес свой.

– А здесь как оказалась? – продолжал я надоедать девушке вопросами.

Она вздохнула, очевидно, я действительно ее утомил, но все же ответила:

– Решили с сестрой отдохнуть, забронировали в отеле «Индиана Парк» номер и приехали на побережье Коста Брава… на некоторое время или нет… превуильно по-русски, на несколько дней. А сегодня собрались вот пещеру осмотреть. Слышали, там интересно. Так-то туда не попадешь, Аделита временно закрыта для посещения туристами.

Я не стал больше приставать с вопросами к девушке, мое любопытство относительно ее жизни в Испании было удовлетворено. Да и паровозик, добравшись до небольшой площадки, остановился. Мы выбрались из вагончиков и столпились на смотровой площадке, огороженной перилами из природного камня. Отсюда открывался превосходный вид – по всей горе были разбросаны дома, будто разноцветные кубики, вдалеке виднелись отели, за ними – море, необычайного темно-синего цвета на всю ширь, насколько хватало глаз. По нему плыли пароходы, пароходики, лодки, серфингисты, парусники.

Коронель перекинулся несколькими словами с машинистом паровозика, очевидно, объясняя ему, что дальше мы пойдем сами, затем, обращаясь уже к нам, сказал:

– Все, господа, пойдемте со мной!

Наша группа отделилась от остальных экскурсантов и гуськом двинулась по дороге за Константином. Мы прошли по селению, покинули его и стали подниматься по склону горы. Сначала путь лежал по каменистой почве, а потом началась лесная полоса. Там, где была возможность, шли гурьбой или по двое, где нет, вытягивались в цепочку, в авангарде которой шествовал Коронель, а в арьергарде плелся я, помогая Марии Тропининой преодолевать наиболее сложные участки.

Константин изредка останавливался и рассказывал нам об Испании в целом и о Каталонии в частности. Давал кое-какие общие исторические сведения, говорил о климате, исторических датах, жизни испанцев и каталонцев. Особо превозносил первооткрывателя Америки величайшего мореплавателя Христофора Колумба. И неудивительно, именно из Испании Христофор Колумб отправился в свое знаменитое путешествие.

Остановившись в очередной раз на природной смотровой площадке, Коронель перешел к растительности, характерной для Средиземноморья.

– Здесь произрастают пушистые зонтичные сосны, – воодушевленно вещал он, стоя на валуне и обводя руками обступающие нас деревья, – кипарисы, вечнозеленый можжевельник и туя. Посмотрите, как хороши платаны, которые после весенней обрезки «под ноль» умудряются к лету обрасти широкой зеленой кроной, дающей спасительную тень. Кстати, из коры здешних пробковых дубов издавна получали отличную пробку для знаменитых испанских вин.

Что можно сказать об экзотике? Здесь она представлена самыми разнообразными кактусами, раз в жизни цветущими агавами. Выпустив двух-трехметровую стрелу, похожую на сосенку, агава усыхает. Из Африки в Каталонию завезли пальмы. Их выращивают в специальных питомниках, а потом высаживают на набережных, площадях, улицах, где они частенько, увы, болеют. Покупают пальмы и для украшения отелей.

Сцепив руки на груди и приняв позу Гамлета, Константин с печальным видом, будто читал некролог, продолжал:

– А вообще в Каталонии произрастает три тысячи видов растений. Такое количество обусловлено большим разнообразием ландшафта на сравнительно маленькой территории. Зато хватает насекомых и птиц! – воскликнул он, подняв вверх палец. – На скалистых берегах Коста Брава многочисленные гнездовья ласточек – верный признак экологического благополучия этих мест. И еще все побережье Каталонии окружают леса из пиренейской сосны, что и делает курорты, расположенные здесь, самыми престижными в Европе.

Закончив рассказ о флоре и фауне здешних мест, Константин спрыгнул с камня и двинулся дальше в лес, увлекая за собой группу туристов. Остановившись еще пару раз, странноватый спелеолог-пиротехник вывел нас наконец-то к пещере Аделита. Вход в нее выглядел

уж очень прозаично – на относительно открытом, поросшем мелкой травой пространстве, в неровно обвалившейся горной породе был лаз примерно полтора на два метра. Никакой охраны вокруг видно не было, да она и не требовалась – вход в пещеру преграждала массивная решетчатая дверь.

Мы замедлили шаг, а потом и вовсе остановились, недоумевая, зачем нас сюда привел экскурсовод, раз в пещеру невозможно попасть. Остановился и Коронель. Он обернулся и, бросив на нас хитрый взгляд, проговорил:

– Ну, чего встали? Пойдемте, пойдемте! Неужели вы думаете, что я привел вас сюда только для того, чтобы полюбоваться на пещеру снаружи? – Он достал из кармана ключ и повертел им, словно заманивая детишек конфеткой.

Мы двинулись следом.

– Откуда у вас ключ? – удивился доходяга Михаил.

– У меня есть знакомые в определенных кругах, – поигрывая бровями, ответил экскурсовод. – Вот и добыл ключик. Так что не бойтесь, мадам, – посмотрел он на даму с пегими волосами. – У нас ни с полицией, ни с властями никаких проблем не возникнет, меня власти уважают.

Мы остановились на площадке перед пещерой, выложенной бетонными плитами, дожидаясь, когда Коронель откроет своим ключом замок. Вскоре послышался щелчок, дверь с лязгом распахнулась, и он вычурным жестом зазывалы у балагана пригласил нас пройти внутрь. Один за другим мы втянулись в нутро пещеры Аделита. Из небольшого темного зала в глубь горы вели два прохода, и мы растерялись, не зная, по какому из них идти.

– И как, – угрюмо проговорил Николай Сильвестров, блеснув в темноте глазами, – мы будем ходить впотьмах?

Экскурсовод, закрыв двери, повернулся к нам и озорным тоном воскликнул:

– Что же вы думаете, господа, ваш гид не позаботился об освещении?!

Он довольно ловко для своей комплекции и возраста сбросил с плеч рюкзак, развернулся, присел и, открыв клапан заплечного мешка, достал небольшой, сантиметров пятнадцать в длину, цилиндр из клееного картона.

– Что это? – удивилась Мария Тропинина, и в ее голосе послышались испуганные нотки.

– А я знаю, – сказал Егор Тепляков, отиравшийся рядом с Женей Аксеновой. – Это фаер, как у футбольных болельщиков, которые зажигают их на трибунах. Факел такой.

– Точно, – подтвердил Коронель, вновь закрывая клапан и закидывая рюкзак на одно плечо. – Только он не дает дыма, этот фаер разработан на моей небольшой фирме. Время горения не менее пяти минут, в полной темноте освещает пространство на пятнадцать-двадцать метров, – прорекламировал свой товар наш экскурсовод. – Так что мы без света не останемся.

Он снял с фаера колпачок, а с защитного кожуха, игравшего также роль рукоятки пиропатрона, крышку и, чиркнув ею по пиропатрону, поджег его. Фаер занялся ярким белым светом, действительно прекрасно освещая пространство вокруг.

– За мной! – скомандовал Коронель и двинулся в правый проход, ведший в глубину пещеры.

За ним следом нырнула в проход Марина Тропинина, потом Евгения Аксенова с Егором Тепляковым, затем Валерка Аксенова, за ней Саша Смольникова, Николай Сильвестров, за ним – я, а замыкал на сей раз шествие Михаил Березин.

«Романтика, черт побери, – думал я, пробираясь, согнувшись в три погибели, по каменному коридору. – Не лежалось мне в номере на двуспальной кровати, потащился за новыми впечатлениями». Честно говоря, не очень-то приятно было ощущать себя в каменном мешке под толщей земли. Не дай бог, где-нибудь что-нибудь обвалится, и останешься заживо погребенным в проклятой пещере. Наконец коридор кончился, и я вместе с остальными вывалился

в приличных размеров зал, примерно метров восемнадцать в длину, от двух до шести метров в высоту и метров пять в ширину.

Константин Коронель стоял, поджидая нас, и держал фаер, отведя в сторону руку. Мы столпились возле него, словно стадо овец вокруг пастуха.

– Ну, вот, господа, – произнес он, – мы находимся в одном из залов пещеры Аделита. Длина пещеры семьсот двадцать метров. Состоит она из серии двойных коридоров и залов. Аделиту еще называют «капеллой первобытного искусства». Потолки и стены ее залов расписаны изображением бизонов, лошадей, кабанов. Выполнены они углем, охрой, марганцем, каолином и другими природными красителями, смешанными с животным жиром и водой.

Коронель приподнял фаер и обвел им своды пещеры, где действительно были изображены всевозможные животные, причем рисунки были не примитивные, а с претензией на некие художественные образы.

– Что интересно, древние художники использовали естественные контуры стены для создания трехмерного эффекта. Возможно, это было связано с их религиозным взглядом на мир. Но что удивительно, господа, первобытные мастера, жившие пятнадцать тысяч лет назад, с удивительной точностью сумели передать облик и повадки каждого зверя. Животные то отдыхают, лениво вытянувшись во всю длину, то вот-вот ринутся в атаку, подобрав под себя ноги и выставив вперед рога. Посмотрите, художники увековечили движения животных во время прыжка или вздоха, и, несомненно, древние авторы этих рисунков были людьми талантливыми, так что уже пятнадцать-двадцать тысяч лет назад существовало искусство, достойное восхищения. А нынче посещение закрыто из-за того, что наскальные рисунки покрываются плесенью. Кроме того, кое-где разрушается горная порода, что грозит обвалами и опасно для жизни самих туристов. Но, думаю, власти найдут какой-нибудь выход, чтобы законсервировать скальные изображения, укрепить потолки пещеры и в скором времени открыть сюда доступ для туристов… Ну, что ж, давайте пройдем вперед. – Коронель двинулся было дальше, но тут фаер стал гаснуть, и он вновь остановился. – Подождите, господа.

Фаер догорел, пещера погрузилась в темноту, но Константин был опытным путешественником и сумел на ощупь достать новый фаер и поджечь его. Прогоревший он сложил в специальный целлофановый пакет, прихваченный с собою, – берег культурное наследие своей страны.

Увлекаемые гидом, мы вновь стали втягиваться в коридор, но не такой узкий и низкий, как предыдущий, в нем можно было идти в полный рост. Впереди маячил огонек фаера, который нес Коронель. Экскурсовод вышел в следующий зал, продолжая держать свой осветительный прибор, чтобы мы могли ориентироваться в темноте и не набить себе шишек о выступы в потолке и стенах коридора.

Когда я оказался в том зале, то, честно говоря, поразился его красоте. Здесь были удивительной формы сталактиты, сталагмиты и кое-где сталагнаты. Если искусно подсветить эти натеки, или, как правильно, хемогенные отложения в карстовых пещерах, то красота будет неописуемая. Но даже белый горящий фаер заставлял играть сосульки разными красками.

– Для тех, кто не знает, а для тех, кто знает, напомню, что сталактит в переводе с греческого означает «натекший по капле», – стал пояснять наш экскурсовод. – Дело в том, что горы не сплошной монолит, в них есть микротрещины, через которые в пещеры просачивается вода, но поступает она сюда сквозь толщу горной породы очень медленно – редкими каплями. Эти капельки понемногу чуть-чуть вымывают из горных пород кальций, он-то и оседает на этих сосульках, образуя сталактиты, а капая на пол, кристаллики кальция складываются в горки – сталагмиты. Если пещера небольшая, то они между собой срастаются, и такие отложения называются сталагнатами. Самым длинным сталактитом считается сосулька в пещерах Круга-до-Жанелао в Бразилии. Ее длина двенадцать метров. А рекордсмен среди сталагмитов имеет высоту тридцать два метра, он находится в пещере Красногорска близ Рожнявы в Слова-

кии… Можете походить немножко по пещере, но недалеко, и, само собой, трогать и тем более отламывать от сталагмитов и других отложений ни в коем случае нельзя. Сами понимаете, это народное достояние, и, если каждый будет брать себе на память кусочек сталагмита, в пещере со временем ничего не останется.

Коронель сменил еще один фаер, а мы в течение нескольких минут ходили по пещере, разглядывая удивительные явления природы.

– Как в сказочном ледяном дворце! – восхищенно воскликнула Женя Аксенова.

И действительно, пещера смахивала на ледяной дворец Снежной королевы.

– Пойдемте дальше, господа! – предложил наш экскурсовод и двинулся в очередной коридор пещеры Аделита.

Выйдя из него, мы оказались в приличных размеров зале, уходящем в глубь горы и дальше разветвлявшемся на три коридора. Пока дожидались, когда выйдут из коридора остальные путешественники, я спросил у Коронеля:

– Вы говорили, будто занимаетесь кинематографией. Каким образом?

Коронель чуть приподнял фаер, чтобы было видно, кто с ним говорит, и ответил:

– Я продюсирую фильмы, а еще пишу книги по истории.

– А как же тогда ваше увлечение фейерверками? – поинтересовался я.

Константину почему-то не очень хотелось говорить на эту тему.

– Вы правильно заметили, увлечение, и не более того, – небрежно бросил он. – Извините, нам нужно продолжать нашу экскурсию.

В зал втянулись остальные члены нашей команды. В это время фаер потух, Коронель поджег новый и воткнул его обратной стороной в расщелину в стене рядом с входом в зал. Закидывать за плечо рюкзак он на сей раз не стал, повесил его на выступ рядом с фаером, света которого хватало для освещения большей части зала.

– И вот что интересно, господа, – становясь так, чтобы не загораживать свет, произнес он и двинулся, придерживаясь левой стороны зала, к дальнему его концу. – Человеку, открывшему эту пещеру, долгое время не верили, что наскальные рисунки были сделаны древними людьми, ибо не могли создать такие высокохудожественные рисунки художники, жившие десять-пятнадцать тысяч лет назад. Однако обратите внимание вот на это изображение.

Коронель поманил нас рукой. Мы подошли и задрали головы, глядя туда, куда указывал Константин. На стене зала под самым потолком был изображен цветными красками бык, заднюю часть которого скрывали сталактиты.

– Так вот этот рисунок говорит о том, что он подлинный, – продолжил Коронель после того, как мы все собрались возле него, – потому что сталактиты образуются за несколько тысяч лет, а раз натеки закрывают изображение быка, значит, он был нарисован раньше образовавшихся здесь сталактитов.

Честно говоря, дух захватывало при мысли, что эти рисунки, правда, не совсем высокохудожественные, каковыми старался представить их перед нами Коронель, нарисовал художник, живший полтора десятка тысячелетий назад.

В этот момент вновь погас фаер, и мы оказались в кромешной тьме.

– Подождите пока, пожалуйста, здесь, никуда не уходите. Я схожу за рюкзаком, – сказал Коронель.

Он стал удаляться, о чем свидетельствовали поскрипывавшие под его ногами камешки, затем в дальнем конце Коронель завозился, доставая из висевшего на стене рюкзака новый фаер и поджигая его, и вот в тот момент, когда он чиркнул устройством, поджигающим фитиль, раздался хлопок, потом взрыв, и пространство зала осветила яркая вспышка. Коронель вскрикнул, но его крик тут же оборвался, а пол под нами содрогнулся. В лицо нам ударила волна горячего воздуха, запахло гарью, пылью, и мы вновь оказались в кромешной темноте.

Глава 5
В поисках выхода

Мы молчали несколько секунд, не понимая, что произошло, наконец раздался голос Марии Тропининой:

– Что это было, ребята?

– Я бы тоже хотел знать, что произошло! – озадаченно проговорил Егор Тепляков.

– Господин Коронель! – позвал я, предчувствуя недоброе. – С вами все в порядке?

Ответом мне была тишина. Остальные члены нашей компании, тоже почувствовав, что произошло нечто ужасное, молчали, и мужской голос, принадлежавший Михаилу Березину, с истеричными нотками произнес:

– Константин, отзовитесь!

Экскурсовод по-прежнему молчал, с ним наверняка что-то произошло. Медлить было нельзя, скорее всего, Коронелю требовалась помощь. Я полез в карман за мобильным телефоном, достал его и включил фонарик. Фонарик у меня на телефоне хороший, светит, правда, не так ярко, как фаер, но, тем не менее, с ним в темноте все отлично видно. По мере того как я приближался, шаги мои сами собой замедлялись, а глаза расширялись. Но лучше бы на то, что я увидел, не смотреть. Зрелище, представшее перед моими глазами, было поистине ужасным. В результате взрыва с потолка обвалилась глыба в несколько тонн и погребла под собой Константина Коронеля. Помощь ему уже явно не требовалась. Сеньора экскурсовода раздавило в лепешку, по-видимому, в тот момент, когда он стоял, ковыряясь в рюкзаке. Из-под камня торчала лишь рука, да сочилась из-под глыбы кровь. Можно представить, в какое кровавое месиво превратился всего минуту назад стоявший перед нами экскурсовод. От этой мысли мне стало до того дурно, что я был вынужден опереться о стену.

– Ну, что там, Игорь?! – нерешительно спросила Саша Смольникова.

Я подавил приступ тошноты и мрачно ответил:

– Все очень плохо, женщинам лучше не смотреть.

В той стороне, где стояла группа экскурсантов, раздался тягостный вздох, кто-то ойкнул, зажглись несколько фонариков в телефонах, и огоньки стали приближаться. Хоть я и предупреждал, что женщинам на страшное зрелище гибели экскурсовода лучше не смотреть, приблизились все. В свете нескольких фонариков пространство возле меня осветилось ярче, и представшее глазам зрелище стало еще ужаснее. Раздавленное тело Коронеля, оказывается, выглядывало еще в нескольких местах, бурая жидкость, пенясь, охватывала вокруг все большее пространство, рука экскурсовода несколько раз судорожно задвигала пальцами, потом безвольно опустилась и замерла.

– Господи! – не своим голосом заорала Мария Тропинина. – Какой ужас!

– О, нет! – ахнула Евгения Аксенова.

Михаил Березин, несколько мгновений силившийся подавить приступ рвоты, справиться с собой не смог и едва шагнул в сторону, как его стало выворачивать.

– Он умер?! – задала дурацкий вопрос Аксенова-младшая.

Саша Смольникова, заломив руки, воскликнула:

– О-о, какой кошма-ар!

– Мать твою! – выругался Николай Сильвестров и высказал вслух то, что меня сейчас волновало больше, чем смерть Коронеля. – Эта глыба завалила проход! Как же мы теперь выберемся из этой пещеры?!

Установилась гнетущая тишина, все оцепенели, пораженные страшным открытием Николая Сильвестрова, даже Михаил Березин, прекратив блевать, замер у стены. Наконец обрела дар речи Смольникова.

– Ты… ты… – прерывающимся голосом произнесла она, обращаясь к Сильвестрову, – хочешь сказать, что мы не сможем отсюда выбраться?

– И мы… останемся здесь навсегда? – вторила ей Валерия Аксенова.

– Я ничего не хочу сказать, – угрюмым тоном ответил Николай. – Просто констатирую факт.

«Насколько я знаю, паника – одно из страшных зол, которое может случиться с людьми, попавшими в экстремальную ситуацию, – подумал я, – а потому не следует впадать в отчаяние ни самому, ни давать впасть в него другим».

– Ладно, не надо унывать раньше времени, – проговорил я бодро, желая вселить в упавшую духом публику толику оптимизма. – Возможно, в пещере не один выход, но сколько его придется искать, неизвестно. Поэтому давайте-ка экономить аккумуляторы мобильных телефонов. Фонарики в них нам еще пригодятся.

Хотя люди и пребывали в шоковом состоянии, они все же вняли моим словам, фонарики один за другим погасли, и пещера вновь погрузилась во мрак.

– Так, может быть, стоит позвонить? – неожиданно воскликнула Тропинина. – И тогда люди придут и спасут нас.

– Вряд ли удастся позвонить, – невесело произнес Егор Тепляков. – Не думаю, что сотовая связь может работать на такой глубине под землей. Но чем черт не шутит, попробовать стоит.

Все сразу завозились со своими мобильниками, стали вспыхивать неярким светом дисплеи, люди разбрелись по всем концам зала, надеясь поймать сеть, но, увы, связи не было, и тогда все, расстроенные еще больше, сошлись у глыбы.

– Может быть, попробовать как-то отвалить этот камень у входа? – неуверенным тоном предложила Александра.

– Пупок развяжется! – зло ответил Николай Сильвестров, но и без его замечания было понятно, что предложение Смольниковой абсурдно – чтобы сдвинуть с места многотонную глыбу, необходим подъемный кран, да и то не всякий с таким весом справится.

– И что же, нам так и стоять здесь? – раздраженно произнесла Евгения Аксенова, словно все мы были виноваты в сложившейся ситуации. – Надо же предпринимать что-нибудь.

– Давайте возьмемся за поиски выхода из пещеры, – произнес Егор Тепляков.

– Действительно, чего стоять-то, – поддакнул Михаил Березин, уже окончательно оклемавшийся от приступа рвоты и испытывающий, очевидно, неловкость за проявленную слабость.

– Предлагаю всем держаться вместе, – сказал я, обращаясь к двинувшейся было в противоположный конец пещеры компании. – С тем, чтобы не потеряться, возможно, в пещере целый лабиринт всевозможных ходов и залов, да и в целях экономии электроэнергии – при нас всегда будет гореть один источник света.

Смерть Коронеля была, конечно же, ужасной трагедией, но так уж устроен человек, что собственная жизнь ему намного важнее чужой смерти, вот и сейчас все больше были озабочены поисками выхода, чем кончиной Константина.

Впереди, высоко подняв фонарик и освещая им путь, уверенно шел Сильвестров. К нему жалась Александра Смольникова, за ними шли Мария Тропинина, Евгения Аксенова, Михаил Березин, я с Егором Тепляковым замыкал шествие, впереди нас, спотыкаясь, плелась Валерия Аксенова, совсем потерявшая присутствие духа.

– Черт возьми, непонятно, что могло произойти, – негромко, как бы рассуждая вслух, но, тем не менее, обращаясь ко мне, проговорил Егор. – У этого Коронеля в рюкзачке были

фаеры, наверняка и фейерверки какие-нибудь. Но они не могли так взорваться, чтобы рухнула скала…

– Откуда ты знаешь, что у него там в мешке было? – перебил его Михаил Березин. – Может быть, и взрывчатка какая-нибудь. Пиротехник же…

– Это во-первых, – подхватил я, – а во-вторых, Егор, не забывай, что пещера закрыта для туристов из-за ее аварийного состояния, возможно, именно в этом месте уже давно грозила рухнуть глыба, и небольшого взрыва хватило для того, чтобы она упала.

– Мы выберемся отсюда? – шмыгнув носом, совсем по-детски спросила Валерия.

– Конечно, – тоном неунывающего человека сказал я, хотя, честно говоря, не очень-то был уверен, что нам удастся отсюда когда-нибудь выбраться.

– Да ты не волнуйся! – поддержал девушку Егор. – Если есть в пещеру вход, значит, есть из нее и выход. Выберемся отсюда. – Он, видимо, собирался добавить «когда-нибудь», но вовремя спохватился: «когда-нибудь» – это не самая ближайшая перспектива.

Не знаю, успокоили ли слова Егора девушку или нет, во всяком случае, спотыкаться и шмыгать носом она не перестала.

Вход в следующий зал был прямым, без коридора, и представлял собой неровный провал метра два на два. Мы ввалились в него и, осматриваясь, остановились. Этот зал был, пожалуй, самым красивым из тех, что мы прошли, – куполообразный, высокий, сказочный. Его стены покрывало тончайшее кружево хрупких кристаллов. То тут, то там торчали столбики сталагмитов, причем некоторые большие – метра по полтора высотой. Сверху свисали сталактиты, сбоку, в дальнем конце зала, в самом низком месте образовалось озерцо с прозрачной водой, дно которого было покрыто кремовым илом. Можно было бы полюбоваться и повосхищаться этим чудом природы внутри горы, если бы не недавний трагический случай, произошедший с Константином Коронелем.

Мы разбрелись по залу в поисках выхода, ползали по нишам, забирались в самые отдаленные уголки, но если в пещере и был какой-то выход, то только не в этом зале. Несолоно хлебавши, мы были вынуждены вернуться в тот зал, где под глыбой остался лежать наш экскурсовод. Из него вели еще два коридора, один из которых оказался таким узким, что протиснуться в него практически было невозможно.

– Давайте я один пойду на разведку, – предложил Егор. – Если коридор не имеет выхода, нет смысла всем протискиваться в него, а потом выбираться наружу. Так что вы подождите пока здесь, а я попробую пройтись, исследовать его.

Предложение было разумным, мы остались в зале, а он, подсвечивая себе фонариком, стал удаляться. Воцарилось тягостное молчание, каждый думал о том, сумеем ли мы выбраться из пещеры или нет.

Я попытался разрядить обстановку, вспомнив небезызвестного героя Марка Твена.

– Ситуация мне напоминает ту, в которой оказались Том Сойер и Бекки Тэтчер. Помните, как герои детской книжки заблудились в пещере?

– Да, хороший роман, – поддержала меня Смольникова, которая так и не отходила от Сильвестрова, очевидно, чувствуя в нем силу и поддержку.

А он вдруг зло произнес:

– Хватит чушь пороть, и без тебя тоскливо.

Честно говоря, я не привык, чтобы со мной так разговаривали мужики, да еще в присутствии дам.

– Но-но, дядя, осторожно на поворотах, – ответил я грубо, давая понять, что я не «ботаник», на которого можно прикрикнуть, а человек, способный постоять за себя. По моему тону Николай это понял и ничего мне не ответил.

Мы снова сидели в полной тишине, дожидаясь Егора, пока наконец не раздались его осторожные шаги – парень в целях экономии аккумулятора возвращался в темноте уже изведанным им маршрутом.

– Ну, что там? – нетерпеливым голосом поинтересовалась Мария Тропинина, когда наши глаза, привыкшие к темноте, различили смутный силуэт Теплякова.

– Даже не знаю, что сказать, – озадаченно произнес Егор и остановился.

– Говори как есть, – грубовато, в своей обычной хамоватой манере потребовал Сильвестров. – Мы все люди взрослые, поймем, что к чему.

– Там, в общем, комната какая-то, – продолжал мяться Егор, – ну, а в ней… – он кашлянул.

– Говори, – потребовал Николай.

Тепляков целую минуту молчал, раздумывая, как приступить к отчету о своем обследовании коридора, потом выдавил:

– В общем, скелет там.

– Что?! – В один голос воскликнули сестры Аксеновы и Александра Смольникова.

– Да скелет древний какой-то, – неуверенно проговорил Егор, явно стараясь смягчить каким-то образом невеселую свою находку.

– Мы всего-то здесь немногим больше часа, – горько произнесла Мария, – а уже один труп и один скелет.

– Скоро здесь будет много скелетов, – траурным тоном подхватил Сильвестров.

Что-то мне подсказывало, что Николай прав, но нагонять тоску не следовало, и я, поднявшись, сказал:

– Не все так мрачно, дядя, как кажется. Пойдем, Егор, посмотрим на твою находку. Может быть, там выход из пещеры обнаружим.

– Чего это вы вдвоем пойдете? – возмутился Сильвестров. – Я тоже, пожалуй, пойду.

– Да и я хочу посмотреть, – откликнулся Михаил Березин.

Больше всех была напугана происходящим самая младшая из нашей компании – Лерочка.

– Давайте не пойдем туда! – попросила она дрожащим голосом. – Отправимся по третьему проходу. Может быть, именно там есть выход.

Ее старшая сестра Евгения, успокаивая Валерию, рассудительным тоном проговорила:

– Раз уж мы здесь находимся, Лерочка, нам нужно обследовать все залы и коридоры. Если третий проход тянется на большое расстояние, и мы не найдем выхода, глупо же будет возвращаться назад и осматривать эту комнату.

– Кто не хочет, может оставаться здесь! – отрезал пузатый Сильвестров.

– Ну, уж нет, – возразила Мария Тропинина. – Я пойду вместе со всеми. Мне тоже интересно взглянуть, что там нашел Егор.

– Конечно, все вместе пойдем! – поддержал женщину-хлорофитум Березин.

– Ну, тогда я тоже пойду, – обиженно пробормотала Лерочка. – Жутко здесь оставаться одной, рядом с трупом Константина.

– Тогда пошли! – махнул я рукой. – Давай, Егор, показывай свою находку.

Глава 6
Находка

Егор первым вошел в коридор. Когда туда же втянулась большая часть нашей группы, включив фонарик, двинулся и я. Сзади сопел очкарик Михаил Березин, впереди шла Мария Тропинина, и я, приподняв фонарик над головой, светил им так, чтобы было видно дорогу и мне, и ей, и идущим сзади.

Коридор постепенно сужался, и в конце его пришлось передвигаться уже боком, а последнюю пару метров и вовсе протискиваться. Затем неожиданно открылось большое пространство, в которое шагнула Тропинина, а следом за ней и я. При свете двух фонариков – моего и Егора – наша группа, столпившаяся у входа в зал, стала оглядываться.

Это был грот правильной прямоугольной формы, вытянутой вправо и влево, с относительно ровными стенами и потолком. На какой-либо выход отсюда, кроме того, через который мы сюда проникли, рассчитывать не приходилось, так что путь к спасению отсюда нам заказан, оставалось лишь удовлетворить свое любопытство и осмотреть его.

В левом углу стояло нечто подобное полуразвалившейся кровати, прямо напротив на стене висел старинный масляный светильник, под ним стоял грубо сколоченный стол, на нем – деревянная чернильница, какой-то продолговатый предмет, похожий на тубус, деревянная миска, ложка, рядом со столом лавка, а сбоку от нее на полу лежал скелет. Пол пещеры был покрыт толстым слоем пыли, с потолка кое-где свисали сталактиты.

– Неандерталец, что ли? Пещерный человек? – предположила Лера.

– Для неандертальца он жил в слишком комфортных условиях, – хмыкнул Михаил Березин, приблизился к столу и с живейшим интересом принялся разглядывать находившиеся на нем предметы, затем взял цилиндр, действительно оказавшийся тубусом, и разъединил его. На стол выпал скрученный в трубочку лист бумаги.

Мы все тоже приблизились к столу и сгрудились вокруг него, с любопытством разглядывая его.

– Интересно, что это такое? – пробормотал Березин, разворачивая свиток.

Бумага была плотной, грубой, но от времени уже истонченной и полуистлевшей по краям. На ней выцветшими чернилами был написан убористым почерком приличных размеров текст на латинице.

– На испанском, похоже, написано, – предположила Саша Смольникова.

– На кастильском, – поправила ее Мария Тропинина и сунула свою голову с пегими волосами между плотно стоявшими Николаем Сильвестровым и Егором Тепляковым, желая лучше рассмотреть находку.

– А в чем разница? – поинтересовался я.

Ответила мне Женя Аксенова, которая жила в Испании и наверняка превосходно разбиралась в тонкостях местного языка.

– В Испании много национальных языков, каталонский, например, Страны Басков, они все называются испанскими языками, но истинный испанский язык является официальным языком нашей страны и в Конституции именуется кастильским.

– Нам как-то по фигу, – пробормотал Сильвестров, которого не очень-то заинтересовал свиток, зато он взволновал душу Марии Тропининой.

– Ну-ка, дайте-ка я взгляну! – расталкивая нас, проговорила она и протиснулась к столу. – Мне весьма любопытно это открытие! Я учительница испанского, специально приехала в эту страну, чтобы попрактиковаться в языке, как в устном, так и письменном, да вот, похоже,

надолго застряла в этой чертовой пещере. Тем не менее мне полезно будет почитать написанный от руки текст.

Она перехватила развернутый Березиным свиток, чтобы он не скручивался сверху и снизу, и надолго застыла над текстом.

– Нет, – с разочарованием пробормотала она некоторое время спустя. – Старинный язык какой-то. Я только отдельные слова понимаю. Может быть, вы, девчонки, попробуете перевести, что здесь написано? – Мария подняла голову и поочередно взглянула на сестер Аксеновых.

Но Женя и так уже давно водила глазами по строчкам, изучая написанное, ее же сестра Лерочка, занявшая место Марии, присоединилась к ней.

– Я не профессиональный переводчик, – наконец проговорила Женя, все еще не отрывая взгляда от свитка, – но общий смысл написанного сводится к следующему. Некий Хуан Карлос де Луис, который и пишет это письмо…

– Он, между прочим, архидиакон собора, – вставила свое слово Лерочка Аксенова, которая не хуже, а, скорее, даже лучше сестры разбиралась в нюансах испанского языка, потому что с более раннего, детского возраста жила в этой стране, а в детском возрасте, как известно, легко усваивается все новое и неизведанное, в том числе и языки.

– Точно, архидиакон собора Санта-Лючия, – подтвердила Женя. – Так вот, этот Хуан Карлос де Луис пишет, что Христофор Колумб в пятницу пятнадцатого марта тысяча четыреста девяносто третьего года прибыл на двести двадцать пятый день своего плавания в Палос. Королевская чета Изабелла и Фердинанд велели ему как можно скорее явиться ко двору. Христофор Колумб отправился в Каталонию. Путь его туда лежал через Севилью и Кордову…

– Черт возьми! – ахнул вдруг Михаил Березин. – Ведь речь идет об открытии Колумбом Америки и его возвращении в Испанию из своего первого путешествия. А всего у него было три экспедиции.

– Откуда ты все знаешь?! – неожиданно раздраженно спросил Николай Сильвестров. Он всегда и всем был недоволен, а может быть, просто корчил из себя крутого нахрапистого парня, чтобы придать себе вес в глазах Саши Смольниковой.

– Я историк, – нисколько не стушевавшись, но и без вызова ответил Березин.

– Ну, тогда помолчи пока, историк, не перебивай людей. Скажешь свое историческое слово, когда тебя спросят, – проворчал Сильвестров. – Все вы здесь интеллигенты – историки, учителя, один я – рыночный торговец, бизнесмен.

– Оно и заметно, – хмыкнула Мария Тропинина.

– Но-но, без оскорблений! – огрызнулся пузатый дядька.

Женя, чьи глаза, пока происходила перепалка, бегали по строчкам, продолжила:

– В Вербное воскресенье тридцать первого марта тысяча четыреста девяносто третьего года адмирал со своей свитой прибыл в Севилью и здесь провел всю пасхальную неделю. Здесь же он получил радостное для себя письмо от королевской четы. Изабелла и Фердинанд благодарили его за столь полезные и выгодные открытия… Здесь об Индии говорится, – добавила она от себя, – они считали, что плывут туда, но Колумб открыл Америку.

– Это мы из истории помним, – заявил Николай. – Дальше читай.

– В понедельник девятого апреля Колумб покинул Севилью и отправился в Барселону. Путь его лежал через Кордову, Мурсию, Валенсию и Таррагону. С собой адмирал в качестве живых экспонатов вез шестерых индейцев, прихваченных из открытых им земель. На них были роскошные пояса, золотые маски. У каждого индейца были золотые клетки с попугаями. Так адмирал со своими приближенными и индейцами двадцатого апреля прибыл в Барселону. Королевская чета встретила его во дворце, в зале Тинель, обласкала, приняла дары и, в свою очередь, одарила всевозможными званиями. Однако Колумб отдал Изабелле и Фердинанду не все дары, привезенные из дальних стран. Ларец с наиболее ценными и дорогими украшениями, отобранными у индейцев, он отправил вместе со своим приближенным Родригесом к его брату

Хуану Карлосу де Луису, тому самому, что пишет это письмо, – пояснила Аксенова-старшая. – Хуан Карлос вместе с Родригесом спрятали в соборе Санта-Лючия ларец с драгоценностями, и Родригес отправился к Колумбу с известием, что задание его выполнено. Но тут, пишет Хуан Карлос де Луис, я, – девушка начала говорить уже от первого лица того, кто вел рассказ в рукописи, – на следующий день узнал, что Родригес убит. Я понял, что его убили как свидетеля, знающего о припрятанных сокровищах Колумба, и теперь очередь пришла за мной. Я перепрятал ларец в правом коридоре собора, с правой стороны в усыпальнице Святого Иоанна под надгробием в склепе. Едва я успел покинуть стены собора, как в него ворвались неизвестные мне люди. Я вынужден был бежать и спрятаться у моего друга священника, фамилию которого называть не хочу, опасаясь причинить ему вред. Я жил у него тайно и вскоре узнал, что инквизиция начала на меня охоту. В то время адмирал был на вершине своей славы, его почитали все: и церковь, и король с королевой и простой люд, и оболгать меня Колумбу ничего не стоило. Если бы меня нашли у друга, его казнили бы вместе со мной, и я, переодевшись в одежду простолюдина, бежал из города. Странствуя, я добрался до этой никому не известной пещеры и поселился здесь. Питаясь ягодами и кореньями, прожил так два года. Силы мои на исходе, я крайне истощен, жить мне осталось недолго, но уж лучше смерть от голода в этой пещере, чем от рук инквизиции. Передаю сокровища Христофора Колумба в руки того, кто найдет мое послание. Чтобы открыть вход в склеп Святого Иоанна, необходимо надавить на камень на стене в левом углу, во втором ряду, десятый по счету сверху. И пусть вас Бог благословит и бережет!.. Все… – поднимая взгляд от послания архидиакона, проговорила Евгения Аксенова. – Здесь подпись – Хуан Карлос де Луис, архидиакон собора Санта-Лючия, и число – двадцать пятое апреля тысяча четыреста девяносто пятого года.

И вновь, в который уже раз, в пещере наступила тишина, прерываемая лишь сопением Николая, очевидно, у него был заложен нос. Каждый думал об одном и том же, но в соответствии со своим мировоззрением.

– И что? – нарушил молчание Сильвестров. – Сокровища Колумба хранятся в склепе в этом самом соборе Санта-Лючия?

– Да какая разница, хранятся они там или нет, – отмахнулся Березин. – Главное, мы на пороге великого открытия! – воскликнул он с воодушевлением. – Это же неизвестный факт из жизни Христофора Колумба!

– Не верится мне что-то про Колумба, – неуверенно произнесла младшая из сестер, и взоры всех устремились к ней – что, интересно, выдаст эта испанская жительница. – В школе всегда превозносят адмирала, – несколько смущаясь всеобщего внимания, проговорила девушка. – Он национальный герой. Ну, как это по-русски… пример для подражания. И вдруг такая подлость с его стороны: прячет в соборе драгоценности, убивает одного брата, пытается убить другого, а когда тот сбегает, натравливает на него инквизицию. Не мог так Колумб поступить…

– Не мог?! – воскликнул Михаил Березин. – Он, бывший рабовладелец! Он, кто в тысяча четыреста девяносто пятом году отправился в Эспаньолу в карательный поход с двумястами лучшими пехотинцами и двадцатью всадниками. Псари-загонщики вели тогда на поводке двадцать канарских псов. Адмирал десять месяцев вел жестокую войну со всеми местными королями и народами, которые не желали ему подчиниться. За это время произошли чудовищные избиения индейцев. Целые области обезлюдели. И он не мог припрятать какой-то ларец с драгоценностями и уничтожить двух братьев?!

– Кхм, – совсем смутилась девица и отступила за спину своей сестры.

– Чушь все это! – неожиданно заключила Мария Тропинина. Лица ее в темноте видно не было, но чувствовалось, женщина с пегими волосами усмехается. – Развод это какой-то. Что же в этой пещере, наверняка уже исследованной вдоль и поперек, пятьсот шестьдесят лет

пролежал этот вот, – кивнула она в сторону скелета, – как его, Хуан Карлос де Луис, и его никто не обнаружил? И этот документ пролежал здесь полтысячелетия?

– Насколько я знаю, эту пещеру нашли только в тысяча восемьсот семьдесят пятом году, – вставил Березин. – И, похоже, она не вся изучена.

– Но этот зал на самом видном месте, – возразила Александра Смольникова.

– Да нет, – вступил в разговор Егор Тепляков. – Грот был замурован. Когда я дошел до конца расщелины в гроте, вход в него был закрыт на две трети. Я толкнул нижнюю часть стенки, и она развалилась. – Он направил луч фонарика на вход в зал, и действительно, на полу мы увидели множество разбросанных камней. – Очевидно, – продолжал Егор, – этот Хуан Карлос перед смертью заложил вход в свою комнату камнями, а уж потом умер.

– И зачем он это сделал? – удивилась Смольникова.

– В смысле умер? – хмыкнул Тепляков.

– Да нет, – смутилась Смольникова. – Зачем вход заложил камнями?

– Мало ли зачем. Может быть, не хотел, чтобы его тело звери какие-нибудь съели. Или не желал, чтобы инквизиторы послание обнаружили, вот и решил сокровища для потомков сохранить. Так грот и простоял несколько веков законсервированным и никем не открытым, а сегодня после взрыва часть заложенного входа развалилась.

– Не мешало бы посмотреть, на месте ли эти сокровища в соборе Санта-Лючия или их там уже нет, – высказал свои мысли вслух Николай Сильвестров.

– Ну, конечно, не хватало нам еще в историю с национальным достоянием Испании в полицию попасть, – проговорила Мария Тропинина, почему-то панически боявшаяся полиции.

– Вот что, дорогие мои, – с несвойственными ему решительными нотками неожиданно произнес всегда мягкий, интеллигентный Михаил Березин. – Я вас очень попрошу, есть ли сокровища, нет ли их там, когда мы отсюда выйдем, никому об этом документе не говорить.

– Это почему же? – удивилась вдруг Саша.

– Потому что право сенсационного открытия неизвестных страниц биографии Христофора Колумба принадлежит Российской Федерации. Когда мы приедем в Россию, я пойду в Академию наук и предъявлю этот документ.

– Извините! – вдруг вскинулась Женечка Аксенова. – Мы с сестрой подданные Испании, как же мы можем умолчать об этом факте? Ведь наверняка нас будут допрашивать в полиции в связи со смертью погибшего Константина Коронеля.

– А вы молчите! Вы же патриотки! – с пафосом заговорил Михаил. – Вас Россия взрастила, вы родились в этой стране…

– Надо сначала выбраться из этой пещеры, – резонно заметил Егор, – а уж потом думать о каком-то открытии.

– Не будем о грустном, – заявил я, не желая дальше развивать эту тему, так как в свете фонаря увидел лицо младшей сестры Аксеновой, ставшее вдруг плаксивым – девушка вспомнила, в каком положении мы оказались.

– А если мы за это открытие бабки можем получить? – подал голос Николай, и его глаза в темноте алчно блеснули.

– Тебе бы все продать! – буркнула женщина-хлорофитум. – Торгаш несчастный!

– А вам из любой ерунды сенсацию сделать! – парировал пузатый Николай.

Тем не менее, поняв, какую ценность представляет документ, он протянул руку и попытался вытащить из ладони Жени свиток, который она все еще держала, но Михаил опередил его, довольно ловко выхватил у девушки послание архидиакона, скрутив его, спрятал за спину и свободной рукой помахал перед носом Николая.

– Этот документ особой исторической важности! У меня он надежнее сохранится.

– Я тоже так считаю, – оберегая от лап рыночного торговца важную находку, поддержала Михаила Мария.

– Конечно, пусть у него остается! – встал на сторону этой парочки и Егор Тепляков.

Николаю ничего не оставалось делать, как только развести руками.

– Как хотите, – произнес он хмуро. – Я желал, как лучше.

– Ну, что же, здесь больше делать нечего, – проговорил я. – Пойдемте дальше искать выход из пещеры.

Наша компания как-то встрепенулась и двинулась к выходу из грота. Михаил же, чуть задержавшись, вложил свиток в тубус и, бережно держа его перед собой как хрустальную вазу, присоединился к нам последним. На всякий случай вход в комнату Михаил и Егор, как сумели, вновь заложили камнями. Березин побеспокоился, чтобы все здесь оставалось на своих местах до работы, как он рассчитывал, российских экспертов. Он все же надеялся выбраться из пещеры и приумножить славу российских ученых-историков, отдав им право быть «первооткрывателями неведомых страниц истории Америки».

Из зала, где погиб Коронель, мы вошли в третий тоннель и продолжили исследование пещеры. Коридор разделялся еще на несколько, и мы обошли каждый из них, но уже не всей толпой, а по двое, в целях экономии сил и времени, перекликаясь друг с другом, дабы не заблудиться и не потеряться. Некоторые коридоры оканчивались залами, а некоторые тупиками, некоторые сходились, соединяясь между собой, но, увы, выхода ни в одном из них мы не обнаружили. Оставалось обследовать еще один коридор, но сил на его осмотр уже не было. Измученные и голодные, мы облюбовали один из тупиков, где, как нам показалось, было посвежее, и стали устраиваться на ночлег, решив с утра продолжить поиски выхода из проклятой пещеры. На голодный желудок да на камнях трудно уснуть, однако усталость взяла свое, и вскоре всех нас, лежащих вповалку, несмотря на голод, переживания и жесткое ложе, сморил сон.

Спалось плохо – в бока впивались камни, храпел Сильвестров, тоненько посвистывал носом Березин, сопела Тропинина, вдобавок под утро стало холодно, чего в пещере глубоко под землей с закупоренными выходами быть не должно – температура должна держаться постоянная. Ежась от холода, я проснулся и сел. Наша компания, изрядно потрепанная скитаниями по пещере Аделита, лежала в тупичке, словно нищий сброд в переходе метро. Утреннюю прохладу ощущал не только я, но и мои компаньоны по скитаниям в подземелье. В поисках тепла, все лежали, тесно прижавшись друг к другу, скрючившись в позе эмбрионов. Я глянул на часы: девять утра, в отеле «Индиана Парк» завтрак в самом разгаре, опустил было руку, но тут же вновь вскинул ее к глазам. Странно! В пещере темно, а я хоть и смутно, но различал стрелки часов. Черт возьми, или я за время долгого нахождения в пещере научился видеть в кромешной тьме, что вряд ли возможно, или…

– Рота, подъем!!! – вскочив, гаркнул я во весь голос.

Кто-то пошевелился, кто-то поднял голову, а кто-то никак не отреагировал – продолжал лежать в скрюченной позе, и лишь один Сильвестров проворчал:

– Чего орешь-то?

– Работать пора! – заявил я.

– Вот и работай! – хрюкнул Николай и повернулся на другой бок.

Однако Михаил Березин и Женя Аксенова удивленно воззрились на меня.

– Завал надо разобрать, – указал я на конец тупика, где высилась груда камней.

– Это еще зачем? – спросил Михаил.

– Увидите! – ответил я лаконично, вскарабкался на камни и, взяв самый верхний, сбросил его вниз. Точно так же поступил со следующим камнем, потом с еще одним, камни были шершавыми, обдирали ладони, но я, увлеченный своей идеей, не обращал на это внимания.

Проснулись Егор Тепляков, Саша Смольникова и Мария Тропинина. Все они с любопытством следили за тем, что я делаю, но помогать мне никто не торопился. Наконец Егор поднялся, приблизился ко мне и, взяв один из валявшихся внизу камней, оттащил его в сторону. Затем ступил на груду горной породы и принял у меня из рук следующий камень. Так мы

стали разгребать верхнюю часть завала. Постепенно к нам присоединились Смольникова, Тропинина, старшая Аксенова, Березин, спали лишь самая младшая из нашей компании Лерочка Аксенова, а рыночный торговец Сильвестров, усевшись на полу, хмуро следил за нашей работой. Выстроившись в цепочку, мы передавали друг другу мелкие и средние камни, а когда попадались большие, откатывали их в сторону.

– Раз не помогаешь, хоть бы не мешал! – с нотками возмущения обратилась Саша к Сильвестрову, который действительно мешал нашей работе, сидя прямо на дороге.

«А дамочка, похоже, разочаровалась в своем кавалере», – подумал я с усмешкой, меняясь с Егором местами. Выбирать камни из груды горной породы было труднее, чем передавать их, и Тепляков сменил меня.

Наконец у Сильвестрова заиграла совесть, и он присоединился к нам. На полу пещеры осталась спать лишь самый юный член нашей команды Лерочка Аксенова. На нее никто не обращал внимания, не возмущался по поводу того, что она спит – что поделаешь, молодежь, сон крепкий, из пушки не разбудишь.

Неожиданно, когда Егор взял сверху очередной камень, за ним блеснул лучик света.

– А-а-а!!! – на разные лады заголосили все. – Спа-се-ны-и-и!!! Ура-а-а!!!

– Но как?! Как ты догадался, что именно за этими камнями есть выход? Ведь завалов на нашем пути встречалось много? – с радостным возбуждением спросила меня Мария Тропинина, когда всеобщее ликование стало понемногу стихать. За время скитания по пещере мы сплотились, общая беда нас сблизила, мы говорили друг другу «ты», за исключением Валерии Аксеновой, она, в силу своей молодости, называла нас на «вы», хотя мы обращались к ней на «ты».

– Да очень просто, – скромно ответил я, оглядывая счастливые лица своих друзей по несчастью. Больше всех радовалась младшая Аксенова, которую разбудили наши радостные крики. – Утром, проснувшись, я заметил, что стало прохладнее и чуть-чуть светлее, это свидетельствовало о том, что завал из обрушившихся со свода пещеры камней произошел неподалеку от выхода. Между камнями образовались пустоты, сквозь них поступал свежий воздух с поверхности земли. Ну и свет проникал. Очевидно, яркое солнце светило прямо во вход пещеры. Вот я и догадался, что за этими камнями выход.

– Да здравствует Гладышев! – воскликнула женщина с пегими волосами.

– Ура Игорю! – подхватила Александра Смольникова.

А Егор и Михаил пожали мне руки. Подумав, подал мне руку и Николай Сильвестров. А обе сестры повисли на мне. Нисколько не смущенный таким вниманием, я радовался вместе со всеми и вместе со всеми смеялся. Потом мы опять взялись за работу и вскоре наверху пещеры проделали проход, сквозь который при помощи друг друга смогли протиснуться все, даже пузатый Сильвестров.

Выход из пещеры оказался в пяти метрах от последнего камня, лежащего на земле по ту сторону завала. Мы гурьбой вышли из державшей нас в плену пещеры и, раскинув руки, остановились на склоне горы, глядя на синее море вдали, голубое небо вверху, зеленые деревья вокруг, солнце в вышине, на все то, что теперь принадлежало нам!

Глава 7
Свобода

Около одиннадцати часов, оборванные, ободранные, грязные, но счастливые обретенной свободой, мы вернулись в «Индиана Парк». За время нашей затянувшейся двухдневной экскурсии нас никто не хватился, и, если бы не наш расхристанный вид, нашего бы отсутствия никто не заметил. Что удивительно, не поднял тревоги и водитель автомобиля, который должен был дожидаться нас и Коронеля, чтобы отвезти на праздник фейерверков. Ну, да ладно, бог ему судья.

Разумеется, о том, что произошло с нами в пещере и о смерти Константина мы не собирались скрывать – сообщили руководству отеля, и оно вызвало полицию. Приехавшие полицейские вызвали российского консула, без которого допрос граждан иностранного государства не допускается. Нас собрали всех вместе в одной комнате, по одному стали вызывать в соседнюю комнату, где проводил дознание невысокий толстый и лысоватый следователь с большими карикатурными ушами, отвисшими губами и носом, похожим на огромную сползшую по стеклу каплю. Звали его Антонио Вердагер. Мы ничего не скрывали, рассказали, как на духу, о том, как отправились с Константином на экскурсию, как осматривали пещеру, как он погиб, как мы скитались по Аделите в поисках выхода и как, наконец, сумели выбраться из нее. Умолчали лишь о комнате и о найденном в ней послании архидиакона Хуана Карлоса де Луиса. Дознание длилось целый день, целый день мы писали документы, отвечали на вопросы, заполняли какие-то формы, подписывали. Само собой, нас ругали, журили, обещали большие проблемы на родине из-за самовольного посещения пещеры, но, как мне показалось, больше пугали – раздувать международный скандал со страной, из которой прибывает ежегодно большое количество туристов, испанские власти не собирались.

Под вечер нас отпустили по своим номерам. Идти на море было уже поздно, поэтому наш небольшой сплоченный коллектив решил отметить наше спасение от неминуемой мучительной голодной смерти в пещере Аделита, а заодно помянуть безвременно ушедшего Константина в кафе. В поисках подходящего увеселительного заведения мы прошлись по вечернему променаду, заполненному праздношатающейся нарядно одетой публикой, от души радуясь простору, большому количеству света, чистому морскому воздуху, чего были лишены в пещере. В общем-то, можно было остановиться в любом кафе, в каждом из них было по-своему интересно, шли представления, дискотеки, работали аниматоры, и мы просто шатались, изредка останавливаясь, чтобы поглазеть на развлекающуюся публику. В одном кафе танцевали национальный каталонский танец «сардану», в другом на довольно-таки высоком профессиональном уровне отплясывали несколько престарелых пар на танцполе, в третьем шло огненное шоу, в четвертом играл ансамбль, и мужчина с удивительным голосом исполнял некогда популярные песни «битлов», в пятом аниматоры устраивали конкурсы. Да и на самом променаде было на что посмотреть: латиноамериканцы заплетали желающим особам женского пола (разумеется, за деньги) замысловатые косички, художники рисовали портреты, клоуны выдували огромные мыльные пузыри, из шариков скручивали зверушек. В конце концов мы выбрали небольшое и, как принято говорить, уютное кафе (хотя чего уж уютного может быть в заведении, где на улице сидит толпа людей, гремит музыка, а на танцполе теснятся пары?), сдвинули вместе два стола и расселись. Ресторанная пища была превосходной, мы набрали шашлыков, изготовленных по рецептам местных кулинаров, салатов, вина и пива.

Вечер удался на славу. Мы ели, пили, веселились, танцевали, говорили обо всем, но только не о найденном в пещере в замурованном гроте послании архидиакона с указанием места, где спрятаны сокровища Христофора Колумба. О ларце, казалось, все напрочь забыли

или просто старательно избегали этой темы, из чего я сделал вывод, что никого сокровища адмирала не интересуют, и разыскивать их никто не собирается. Уже за полночь, когда заведение закрылось, мы все вернулись в отель и разошлись по своим номерам. Я принял душ, включил на самую слабую мощность кондиционер, чтобы не простыть, и уже собирался лечь в кровать, дабы наконец-то выспаться в чистой мягкой постели, но не суждено… в дверь постучали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.